
ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-РАССКАЗЧИЦЫ В НАРОДНОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

ГОАР МЕЛИКЯН

Рассказчик, как реальный субъект сказки, долгое время не был в поле зрения исследователей. Как нельзя исследовать литературное произведение, не касаясь образа и стиля писателя, так фольклорную сказку нельзя изучать без образа рассказчика. Рассказчик является интегрирующим лицом, и история его жизни, культура и репертуар, выраженный содержанием, формой, стилем и манерой повествования, должны быть изучены в комплексе¹. Без образа рассказчика повествование не может быть включено в контекст синхронических и диахронических процессов, и не могут быть определены их особенности по отношению к различным вариантам сказки².

Исследуя процесс повествования, интерпретируя образ повествователя-рассказчика, его индивидуальные особенности, окружающую обстановку, а также его отношение к своему рассказу и слушателю, нельзя не обратить внимания на пол рассказчика. При обсуждении образа рассказчика важно выяснить – какова характерная роль женщины-рассказчицы? Создали ли женщины-рассказчицы свой особый женский репертуар для женской аудитории? Влияет ли пол рассказчика на повествование?

Это некоторые из тех вопросов, которые являются предметами многочисленных споров, как в восточной, так и в западноевропейской народной повествовательной традиции. Макс Люти утверждает, что повествование это мужское занятие³. Но данное утверждение весьма спорно, учитывая предвзятость в отношении к обоим полам. Фольклористы с феминистической направленностью считают, что повествование, поддерживаемое женщинами и ограниченное домашним кругом, зачастую упускается из виду во время записей. Ранние собиратели фольклорных сказок и исследователи не уделяли должного внимания этому вопросу, в основном, по их мнению, повествовательная традиция была характерна для народа в целом. Многие сборники сказок, особенно собранные в германоговорящих местностях и в

---

¹ L i n d a D e g h. Narrative in Society: A Performer Centered Study of Narration. Helsinki, 1995, p. 22.

² Там же, с. 9.

³ B e n g t H o l b e k. Interpretation of Fairy Tales. Helsinki, 1987, p. 155.

Восточной Европе показывают, что количество рассказчиков мужчин преобладает. Но все эти данные являются спорными для статистики⁴.

Линда Дех пришла к выводу, что повествование в публичных местах, таких, как постоянные дворы, было прерогативой мужчин⁵. В основном путешественниками были мужчины, и у них была возможность развить свой репертуар, в то время как женщины были заняты домом и почти не имели возможности услышать и выучить сказки или же не хотели вести повествование в малознакомой среде. Бенгт Холбек также считает, что повествование сказок является преимущественно мужским занятием. Сказки, о которых упоминается в его работе «Интерпретация волшебных сказок»⁶, были записаны от 76 мужчин (59.8 %) и от 51 женщины (40.2 %) ⁷.

Означает ли это, что повествование сказок является в основном мужской традицией?

Собиратель сказок Э. Т. Кристенсен пишет, что значительное количество волшебных сказок он записал от мужчин только в местности Гелерап, а в других местах сказки рассказывались преимущественно женщинами. Можно предположить, что это результат некоего нерасположения со стороны женщин говорить свободно в присутствии незнакомца. Вот что он об этом говорит: «Любопытно, что всеми моими информантами являются мужчины. Я ничего не услышал от женщин. Они были крайне несговорчивы и сдержанны, по-видимому, из-за застенчивости, так как не могу поверить, что они знают меньше, чем мужчины»⁸. Собиратель обратил внимание на тот факт, что в других районах женщины не так застенчивы, например, в Вест-Ютланде большинство информантов того же собирателя были женщины.

Рабочие, находящие временную работу вдали от родного дома, обменивались рассказами, распространяли их, тем самым обновляя свой репертуар⁹. Благодаря своим рассказам малорентабельные рабочие, изгнанники, нищие, коробейники, отслужившие солдаты, проповедники были желанными гостями в деревнях. Присутствие странствующих рассказчиков скрашивало скучную зимнюю жизнь деревни. Такого же мнения и Линда Дех и Марк Азадовский, который пишет, что рассказчица Н. О. Винокурова услышала большинство своих сказок именно от таких рассказчиков¹⁰. Тем не менее, эти факты не предполагают преобладания мужчин-рассказчиков над женщинами в повествовании, а представляют определенное функциональное различие полов, которое дано семьей или родом занятий. Между пола-

⁴ Там же, с. 154.

⁵ L i n d a D e g h. *Folktales and Society. Storytelling in a Hungarian Peasant Community.* Bloomington, 1969, p. 96.

⁶ B e n g t H o l b e k. Указ. раб.

⁷ Там же, с. 153.

⁸ Там же, с. 84.

⁹ L i n d a D e g h. Указ. раб., с. 62.

¹⁰ М. К. А з а д о в с к и й. *История русской фольклористики.* М., 1958, с.258.

ми наблюдается жанровая специализация: волшебные сказки и истории о духах (ghost-stories) стали исключительно женскими жанрами, в то время как мужчины присвоили себе жанр шуток, обманов, юмористических, приключенческих повествований, эпический жанр. Если мамы и няни воспитывали детей обоих полов, то по достижении определенного возраста менялись и их увлечения разными жанрами.

Что касается сюжетов сказок, то по данным Сату Апо в книге “Повествовательный мир финских сказок” 77 % составляют мужские сказки, то есть сказки, где герой – мужчина, и 17 % женские сказки, где героиня – женщина и 6 % – в которых есть и герой, и героиня¹¹. В результате получается, что сказки, описывающие приключения героев, одинаково любимы как женщинами, так и мужчинами, но только 52 из 69 рассказчиков-мужчин рассказывают сказки с женским сюжетом. Женские сказки почитаемы женщинами. Пол рассказчика очевиден только в отношении к женским сказкам, которые мужчины не склонны рассказывать.

Б. Холбек пришел к такому же выводу: мужские сказки рассказываются и мужчинами, и женщинами, но мужчины-рассказчики избегают женских историй¹².

Некоторые собиратели XIX в. при записи сказок отмечали данные об источниках, несмотря на то, что они не были заинтересованы в них. И все же, на один важный аспект трансмиссии сказки не обращалось внимания – это образ женщины-рассказчицы. Излишне спорить о том, является ли повествование женским или мужским занятием – ведь сказка попадает из одной страны в другую, от одного народа к другому, из одной местности в другую. Но, пожалуй, стоит разобраться, что скрывается под текстом, если рассказчик – женщина.

Общеизвестно, что в отдельных культурах имели место запреты на речь женщины. Как пишет М. Ворнер, в христианской культуре молчание, покорность и благоразумие относят к чисто женским добродетелям. Женщина, которая молчит, являлась общепринятым идеалом¹³. Табу на женскую речь в Армении было более жестким по сравнению с другими христианскими культурами. Замужняя женщина в Армении не имела права разговаривать и это испытание обычно длилось до семи лет. Эти нормы могли меняться в зависимости от места и времени. Известно много сказок на эту тему. Так, А. Дживанян включила в свою работу по интерпретации сказок о табу на женскую речь, юмористическую сказку, записанную Г. Шеренцем (1885), в которой одна женщина советует своей дочери, вышедшей замуж, чтобы она не разговаривала с родственниками мужа семь дней¹⁴. Молодая

¹¹ S a t u A p o. Narrative World of Finnish Fairy Tales. Helsinki, 1995, p. 51.

¹² B e n g t H o l b e k. Указ. раб., с. 154.

¹³ M. W a r n e r. From the Beast to the Blonde. London, 1994, p. 29.

¹⁴ A. J i v a n y a n. Glimpses into Armenian Nursery. Yerevan, 2002, p. 19.

женщина неправильно понимает мать и принимает семь дней за семь лет. Думая, что их невестка немая, родственники мужа решают найти ему новую жену.

В собрании армянских народных сказок, выпускаемом Институтом археологии и этнографии АН Армении, в некоторых томах, особенно в начальных, ряд сказок напечатан со сноской “рассказчик неизвестен”. Однако и здесь преобладают мужчины-рассказчики. Так, во втором томе только одна женщина-рассказчица, а в третьем томе упоминается о семи рассказчиках и все они мужчины. В предисловии к XII тому отмечено, что по социальным причинам в указанном томе из рассказчиков только 7 – женщины, а остальные 21 – мужчины¹⁵.

В примечаниях VII тома собиратель-фольклорист М. Аракелян, описывающий повествовательный процесс, отмечает, что жители деревни имели обыкновение коротать долгие зимние вечера вокруг тонира, рассказывая поочередно друг другу сказки. Интересно, что в таком представлении повествования могли участвовать только женщины и дети¹⁶.

Хотя количество женщин-рассказчиц меньше, чем мужчин, ученые-собиратели выделяли именно женщин, как наиболее профессиональных и одаренных рассказчиц. Так, собирательница армянского фольклора М. Григорян, в своих записях упоминает о наиболее одаренных рассказчицах Гумаш Авагян и Бирюзе Тер-Оганесян¹⁷. Не случайно, что именно женщина-собирательница находит и раскрывает талант женщин-рассказчиц. По свидетельству М. Григорян они были чрезмерно впечатлительными и чувствительными. Любили литературу, хотя были необразованными, были превосходными знатоками народного творчества. Имели тонкий вкус и ценили красоту. Возможно, из-за существования языковых запретов, особенно в сельских районах, женщины-рассказчицы не рассказывали в присутствии мужчин, и по этой причине многие одаренные женщины-рассказчицы и были упущены из виду, оставшись неслышанными как профессиональные повествователи. Их творчество ограничивалось лишь домашним кругом. Интересно, что у М. Григорян число рассказчиков мужчин и женщин было одинаковым – 19 и 19, но 19 мужчин рассказали 44 сказки, а 19 женщин – 110 сказок. Одна из рассказчиц, о которой упоминает М. Григорян, Гумаш Авагян жила в нужде и зарабатывала себе на жизнь повествованием сказок.

Женские сказки – это истории, связанные с каждодневными заботами и личными делами. Этими сказками домашние слуги, няни забавляли маленьких детей, отводили их ко сну, поощряли или, наоборот, пугали их. У многих известных писателей глубоко запечатлены детские воспоминания.

¹⁵ Հայ ժողովրդական հեքիաթներ (այսուհետև՝ ՀԺՀ), հ. XII, Երևան, 1984, էջ 7:

¹⁶ ՀԺՀ, հ. VII, Երևան, 1979, էջ 678:

¹⁷ ՀԺՀ, հ. V, Երևան, 1966, էջ 681, 686:

В дневниках, личных письмах, в литературных произведениях они выражают свое восхищение нянями, служанками, возвышая и превращая их образ в литературную модель. Повествование сказки, будь она волшебной или новеллистической, становится модным времяпрепровождением женщин в XVIII – XIX вв. Было модно не только повествование детских сказок, но и обменивание “женскими сказками” среди прях, вязальщиц и стягальщиц. Городские дамы избавлялись от скуки, рассказывая друг другу “зимние” сказки¹⁸.

Хотя мужчины – писатели и собиратели – доминируют в деле публикации и распространения сказок, источниками этих сказок, в большинстве случаев, являются женщины, и очень часто их образ, в основном пряхи–рассказчицы, активно фигурирует в сказке.

Первую ссылку на жанр сказки, по мнению многих ученых, можно найти у Платона в “Горгии”, где он вскользь упоминает о сказке, называя ее “mythos graos” – “сказки старых женщин”, которые рассказывались нянями, чтобы развлекать или пугать детей. Когда юношей и девушек Афин приносили в жертву и отправляли на остров Крит, к Минотавру, к ним на гавань приводили старых женщин, чтобы те рассказывали им истории для облегчения их горя¹⁹.

В “Золотом осле” Апулея молодую невесту хватают бандиты, насильно увозят от мужа и бросают в темницу. Там старая женщина с сомнительной репутацией, пьяная и седоволосая, рассказывает ей историю о страданиях Психеи, как она достигла счастья и вышла замуж за Купидона. Старушка сочувственно вздыхает: “Моя дорогая,– говорит она,– позволь мне рассказать тебе одну или две сказки, чтобы ты почувствовала себя лучше”²⁰.

У Маргариты Наваррской в “Гептамероне” десять повествователей, пять из которых – женщины²¹. У Бокаччио и у его преемника Дж. Чосера²² есть истории, рассказанные женщинами и в некоторые из них включен фольклорный материал, который напоминает сказочные сюжеты.

В глазах потомков Шарль Перро является самым ранним рассказчиком волшебных сказок. Но на самом деле, ему предшествовали и его превосходили многие менее известные женщины–рассказчицы. Волшебные сказки как женский литературный жанр был уже сформирован до времен Ш. Перро²³. В Европе в XVIII в. женщины–рассказчицы повествовали волшебные сказки, что очень нравилось не только феодальной аристократии, но и образованным слоям городского населения. В 1785–1789 гг. в Амстердаме–Париже была издана серия из 41 тома под названием “Волшебная библиотека”.

¹⁸ J a c k Z i r e s. Fairy Tale as Myth, Myth as Fairy Tale. Lexington, 1994, p. 20.

¹⁹ М. W a g n e r. Указ. раб., с. 14.

²⁰ А п у л е й. Золотой осел. Новосибирск, 1989.

²¹ М а р г а р и т а Н а в а р р с к а я. Гептамерон. Л., 1982.

²² Д ж е ф ф р и Ч о с е р. Кентерберийские рассказы. М., 1988.

²³ J a c k Z i r e s. Указ. раб., с. 23.

В ней собрано сотни сказок XVII – XVIII вв. – периода расцвета данного жанра как литературной формы, куда включены 20 авторов, и более половины из них – женщины.

И неудивительно, что ко времени дебюта братьев Grimm, опытные сказочники-энтузиасты уже знали, что сказки скорее нужно соотносить с женщинами и с окружающим их миром. Поэтому братья Grimm назвали свой сборник “Детские и семейные сказки”. Это имело большое значение, так как в большинстве случаев и собирателями, и рассказчиками были женщины, которые услышали свои сказки от других женщин в своем родном доме.

Самыми одаренными и плодотворными источниками братьев Grimm были женщины из семей их друзей и родных. Так, Вильгельм женился на Дорген Вайлд, которая знала много традиционных сказок из своего семейного репертуара и “вложила” в сборник 36 сказок. Доротея Grimm, сестра братьев Grimm, вышла замуж за Людвига Гасенфлага и от его сестер братья Grimm записали 41 сказку. Другая одаренная рассказчица братьев – вдова К. Д. Вигман, была старой няней. В целом, собрание, известное как “*Gattung Grimm*”, содержит волшебные сказки, новеллы, сказки-ловушки, обманы и шванки. Братья Grimm предлагали большой выбор сказок матерям и няням для общения с детьми²⁴.

Семейную традицию собирания сказок можно встретить и в семье Оскара Уайльда²⁵. Известно, что его отец – доктор, практиковавший в Дублине в середине XIX в., просил своих бедных пациентов вместо платы за лечение рассказывать сказки. Его жена Сперанза Уайльд собирала и записывала их. Многие из этих сказок были рассказаны женщинами. В свою очередь, все это повлияло на творческую деятельность их сына и на его новаторские сказки, в частности, “Эгоистичный великан” и “Счастливый принц”.

В конце XIX в. известный шотландский фольклорист Эндрю Ленг, полагаясь на свою жену Леонору и на группу других женщин – издателей, стенографисток и пересказчиц, создал многотомник волшебных сказок со всего мира, и назвал эти книги Красная, Желтая, Зеленая, Синяя, Розовая Волшебные книги сказок²⁶.

Первые сказки Г.-Х. Андерсен услышал от старух из соседней богодельни. Весь день эти старухи пряли, сторбившись, серую шерсть и бормотали свои нехитрые рассказы. Андерсен же затем переделывал их по-своему. В его сказке “Сундук-самолет” даже упоминается о том, что именно женщины – большие мастерицы рассказывать.

“–В одной мирной семье провела я свою молодость,– продолжала глиняная миска. – Мебель полировали, пол мыли, а занавески на окнах меняли каждые две недели.

²⁴ Г. Герстнер. Братья Grimm. М., 1980, с. 77.

²⁵ М. Уарнер. Указ. раб., с. 20.

²⁶ Там же, с 21.

– Как вы интересно рассказываете! – воскликнула метелка. – Так может рассказывать только женщина, – от ваших слов веет какой-то особой чистоплотностью.

– Да, да! – проговорило ведро и от удовольствия даже подпрыгнуло, выплеснув воду на пол.”²⁷

По мнению собирателей сказки женщин-рассказчиц более новеллистичны и выразительны. Женщины наделены удивительным качеством – поэтически представлять любое бытовое каждодневное явление. Более того, те мужчины-рассказчики, чьими источниками являлись женщины, унаследовали это особое фольклорно-поэтическое мышление, которое присуще женщинам-рассказчицам²⁸.

Эмиши Эндерсон, комментируя стиль повествования Джини Робертсона, считает, что ее повествование служит примером традиционной артистичности. В ее голосе чувствуется победа. Первые слова ее повествования выражают власть, самоуверенность, завораживают слушателя и приковывают внимание. Ее физическое присутствие неоспоримо. Она задерживает свои большие черные глаза на слушателе, и слушатель невольно становится безгласным соучастником самого повествования²⁹.

Анжела Картер в один из своих сборников включила сказку из Кении, в которой жена султана, красота которой сохла и тускнела с каждым днем на глазах, попросила бедняка, жена которого была эталоном красоты и здоровья, поменять местами своих жен. Вскоре султанша стала веселой и здоровой, а жена бедняка – наоборот. На вопрос султана, что же сделал бедняк, в чем причина такого изменения, бедняк ответил, что он кормит свою жену “языком” (речью). Язык этот был нематериальным – это были сказки, истории и легенды, которыми он “питал” ее, и прогонял меланхолию, избавляя от молчания. Рассказывание для женщины – красота и здоровье³⁰.

Женщина-рассказчица занимает свое особое место в процессе представления повествования. Стиль повествования женщины-рассказчицы приобретает дополнительную семантику, которая развивает особое фольклорно-поэтическое мышление.

²⁷ Г.-Х. Андерсен. Сказки. М., 1990, с. 117.

²⁸ Մսւնա Օրեր, հ. Դ, նոր պատումների գրառումը և բնագրի պատրաստումը Մ. Հարությունյանի և Ս. Մահալյանի, Երևան, 1999, էջ 68:

²⁹ H a m i s h H e n d e r s o n. The Process of Revival Goes on the Carrying Stream, Issue 4, 1996, p. 5.

³⁰ M. W a r n e r. Указ. раб., с. XI.

ԿԻՆ ԲԱՆԱՍԱՑԻ ԿԵՐՊԱՐԸ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄՈՂԱԿԱՆ
ԱՎԱՆԴՈՒԹՅԱՆ ՄԵՁ

ԳՈՀԱՐ ՄԵԼԻԿՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ն լ մ

Հեքիաթասացությունը, սկսած պլատոնյան ժամանակներից, համարվել է գլխավորապես կանանց մենաշնորհը: Մակայն այս թեմային նվիրված վերջին հետազոտություններում առանձնապես կարևորվում է տղամարդ բանասացի դերը: Նման մոտեցումը կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ տղամարդ բանասացները բանահավաքների հետ ավելի դյուրին են հաղորդակցվում, իսկ կանայք (մանավանդ՝ Արևելքում) գոյություն ունեցող խոսքային հաղորդակցման սահմանափակման պատճառով կարող են դուրս մնալ թե՛ բանահավաքների, թե՛ հեքիաթի տեսաբանների ուշադրությունից: Ասացողի սեռային պատկանելությունն ազդում է հեքիաթի լեզվաոճական առանձնահատկությունների վրա: Կին բանասացները ստեղծել են հատուկ հեքիաթացանկ կին ունկնդիրների համար: Հեքիաթասացների մեջ կին բանասացն ունի իր ուրույն տեղն ու դերը, և նրա հեքիաթներն աչքի են ընկնում լեզվաոճական յուրօրինակ առանձնահատկություններով:

IMAGE OF THE WOMAN-TELLER IN THE FOLK
NARRATIVE TRADITION

GOHAR MELIKYAN

S u m m a r y

Tales have been regarded, from as far back as Plato, as occurring from the domain of woman. Investigations of the gender of informants seem to be inconclusive. For men, functioning at ease in the public domain are more accessible to collectors, women are less available to outsiders. It would be absurd to argue that story-telling was an exclusively male or female activity – it varies from country to country, from one people to another. In discussing the concept of female folktales the following issues can be raised: Does the gender of the teller influence the narration? What is the distinctive role of women as tellers of tales? Do women develop a specifically feminine repertoire to serve their female audiences?

Analyzing tales of women it is easy to see the feminine nature in the stylistic featuring of their tales.